

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(47).045

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ О РАННЕЙ ИСТОРИИ г. САМАРЫ

А. В. Беляков

Филиал Московского психолого-социального университета, Рязань
E-mail: feb@ru.ru

Данная статья посвящена анализу документа по ранней истории г. Самары. При этом делается попытка по отождествлению неизвестной ранее анонимной сибирской царевны с сыном, упоминаемых в источнике. Сделанные автором наблюдения позволяют по-новому взглянуть на брачную политику хана Кучума, а также на некоторые события Смутного времени.

Ключевые слова: Чингисиды, Кучумовичи, Русское государство рубежа XVI–XVII в., Самара, русско-ногайские отношения.

A New Document about the Protohistory of the City of Samara

A. V. Belyakov

The article covers the analysis of a document dedicated to protohistory of the city of Samara. It is an attempt to identify a before unnamed Siberian tsarevna and her son as mentioned in the source. The author tries to take a fresh look at the matrimonial policy of Khan Kuchum as well as some events of the Time of Trouble.

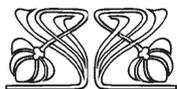
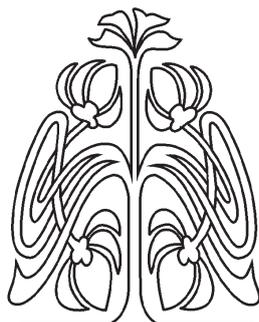
Key words: Genghis Khan descendants, Kuchum descendants (Kuchumovichi), Rus' at the turn of XVII century, Samara, Russian-nogaian affairs.

Из-за многочисленных пожаров и войн документы рубежа XVI–XVII вв. являются редкостью в наших архивах. Особенно остро данная проблема стоит по отношению к городам, образованным в конце XVI столетия. Из-за малонаселённости новых городов и уездов документов, вышедших из их воеводских канцелярий, изначально было не так уж и много. До наших дней их сохранилось и того меньше. Поэтому любая подобная находка имеет для нас особую ценность. При этом следует приложить все старания для того, чтобы информация от его анализа была наиболее полной.

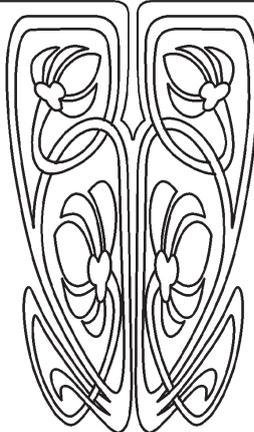
В РГАДА в фонде 131 (Татарские дела) нами была обнаружена грамота Самарских воевод князя Саввы Дмитриевича Щербатова и Федора Ивановича Бирдюкина-Зайцова (Зайцова-Бирдюкина) о том, что 28 апреля 1601 г. в Москву водным путем в сопровождении самарского жильца Якова Авлампеева была отправлена дочь хана Кучума с сыном и мамкою. При этом из этого же документа мы узнаем, что еще 11 января те же воеводы писали в столицу о том, что царица с сыном больны и просят, чтобы им разрешили перезимовать в Самаре. По отметке на грамоте знатные путешественники прибыли в Москву 10 июня (приложение)¹.

Данный документ интересен для нас сразу с нескольких позиций. Во-первых, он доносит до нас имена самарских воевод 1600/1601 г. Нельзя сказать, что их имена не были известны ранее, но, к примеру, Бирдюкина-Зайцева в литературе именуют Бирдениным². Их биографические сведения также ранее не привлекались исследователями. Что нам о них известно?

Князь Савва Дмитриевич Щербатый. Впервые как стольник он отмечен в 1588/1589 г.³ Осенью 1595 г. князь по-прежнему числится в стольниках и неудачно местничает со стольником князем Федором

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Ивановичем Лыковым⁴. Следующий раз мы видим его 18 мая 1598 г. Его послали воеводой на Тульскую засеку «к Заупскной, к Орловским воротам». Князь, по-видимому, вполне оправдал возложенные на него обязанности, так как следующее назначение (осенью 1598 или же, что, на наш взгляд, более реально, весной 1599 г.) было уже воеводой в Самару. Не ранее осени 1601 г. он назначен волуйским воеводой⁵. Перед одним из этих назначений Щербатого жалуют в дворяне по московскому списку⁶. В 1602 г. он вновь местничает с кн. Ф. И. Лыковым (суд не вершен)⁷, а 3 апреля того же года – с Владимиром Ивановичем Вельяминовым⁸. 8 мая 1606 г. мы видим его на свадьбе Лжедмитрия I: «А в поезде были дворяня Московские... князь Сава Дмитриевич Щербатой». В сентябре 1606 г. С. Щербатый назначен царем Василием Шуйским воеводой в Карачев, но вскоре город перешел на сторону Болотникова, а воевода убит. Это произошло в конце 1606 – начале 1607 г., либо во время восстания в городе, либо после отправки пленного воеводы в Путивль по приказу «царевича Петра». «В та же времена убиша при Петрушке и до ево приходу в Путивль и по градом... воевод и дворян, коих имали на бою... князь Саву Щербатово»⁹.

Федор Иванович Зайцов-Бирдюкин происходит из старинного обедневшего московского боярского рода. Выборный городской дворянин из ярославских помещиков. Его поместный оклад составлял 500 четей. Данных о нем немного. Впервые упоминается в 1588/89 г. Тогда он должен был находиться в Новгороде. Но рядом с его именем стоит помета: «нет». В 1604 г. отмечен как умерший. Его вдова, Домна, с поместий составляла 1 конного воина¹⁰. В разрядных книгах он упоминается только в связи с участием в походе против крымского царя в 1598 г., голова у обоза¹¹.

О Якове Авлампееве нам более ничего неизвестно. Однако факт наличия в Самаре рубежа XVI–XVII вв. жильца сам по себе уже интересен. Мы имеем все основания причислить его к верхушке местной служилой корпорации.

Таким образом, и для Зайцова-Бирдюкина и для кн. Щербатого назначение в Самару можно рассматривать как поощрение за прежние службы. Вот только для первого это был пик карьеры, долгожданная награда за долгую полковую службу, а для второго – самое начало административной карьеры. Подобные назначения требовали определенных не только административных, но и дипломатических навыков. Обнаруженный нами документ раскрывает, с чем им приходилось сталкиваться во время этой службы.

Самара рассматриваемого нами времени – небольшая крепость, призванная контролировать часть волжского пути. Но это также приграничный город, администрации которого приходилось разбирать постоянные конфликты с ногаями, казаками, кушцами. Волга являлась значимой магистралью, по которой регулярно передвигались

члены различных посольств. Самара должна была обслуживать и их. Но как мы видим, помимо прочего воеводам приходилось решать и проблемы, связанные с выездами ногайской знати на имя московского царя. Здесь мог пригодиться опыт, пусть даже только наблюдения за происходящим во время многочисленных дворцовых церемоний, в том числе и дипломатических, полученный стольником С. Д. Щербатым.

Настало время разобраться и с анонимной дочерью хана Кучума. Известно, что вывозы пленных сибирских царевичей и их ближайших родственников в европейскую Россию проходили по приблизительно одному и тому же пути: Уфа – Казань – Ярославль – Ростов – Переславль-Залесский – Москва¹². Почему же здесь упоминается Самара? Этому можно дать только одно объяснение. Перед нами редчайший пример, когда представители семьи последнего сибирского хана выехали в Россию добровольно. При этом выезд состоялся из Большой Ногайской Орды. Логичнее всего было бы предположить, что перед нами одна из дочерей Кучума, выданных ханом за знатных ногайский мирз. Тогда у нас появляется возможность узнать ее имя.

В литературе отмечается, что как минимум четыре дочери Кучума были выданы замуж за ногайских мирз. Нам удалось найти упоминание о трех подобных браках. Одна из них Карамыш, супруга Ураз-Мухаммеда б. Дин-Ахмеда б. Исмаила. Вместе с рукой дочери хан предоставил мирзе ссуду в 5000 алтын¹³. Другую дочь выдали за мирзу Бегая (Бай) б. Ханбая б. Исмаила. Дети от этого брака, внуки Кучума Зен-Магмет (Джан-Мухаммед) и Лалтак, были пленены 20 августа 1598 г. и вывезены в Москву. Позднее здесь оказался и сам Бегай с еще одним своим сыном (от другого брака?) и другими родственниками. Здесь они стали мирзами (в крещении князьями) Смайлевыми¹⁴. Другая дочь стала супругой Ак (Ахмед) б. Шейх-Мамай, при дворе отца которого воспитывался в детстве Кучум¹⁵. Помимо этого сыновья хана, Али и Канай, были женаты на дочерях Дин-Ахмеда б. Исмаила и Уруса б. Исмаила соответственно. Двумя из многочисленных жен Кучума были царица Хандаза, дочь бия Дин-Ахмеда и царица Данай, дочь бия Уруса¹⁶.

Следует отметить тот факт, что выезд царицы¹⁷ описывается как явное бегство. Ее прибытие в Самару посреди зимы с маленьким ребенком говорит именно об этом. При этом вышла она из ногайских улусов, скорее всего, именно на Самару, а не пришла в город из Астрахани. Поэтому нам следует обратиться к ногайским событиям этого периода. В ногайских степях редко выпадало спокойное время. Представители сильно разросшегося рода Эдиге постоянно боролись между собой за влияние в степном мире. Этот период также не был исключением.

После убийства бия Уруса б. Исмаила Малыми Ногаями в 1590 г. Большеногайским бием

провозглашается Ураз-Мухаммед б. Дин-Ахмед б. Исмаил. В. В. Трепавлов считает, что это произошло при явной протекции Москвы, стремившейся контролировать беспокойные ногайские степи. Около 1598 г. его сменил младший брат, нурадин Дин-Мухаммед. В это время в степи разгорелось очередное междоусобие, поводом для которого стала кровная месть: «Урмамет князь от Урусовых детей умер; за то и Тин Махмет князь умер; за то ж и Байтерек мурза от тех же недрузей за то ж умер». На этом фоне Джан-Арслан б. Урус, возглавивший наследников Уруса, начал борьбу за главенство над Большими Ногаями¹⁸. Москва вынуждена была вмешаться в конфликт и поддерживать своих ставленников, родственников только что убитого бия Дин-Мухаммеда. Царь приказал послать в степь рать с огненным боем. Тюменский воевода в 1601 г. докладывал, что Джан-Араслан собирался разместить свою семью и улусников на реке Исети (Средний Урал), а сам собирался кочевать в Северной Башкирии. Однако мирза попал в плен к астраханским стрельцам и был увезен в Москву. Власть над сильно потрепанной и ослабленной Большой Ногайской Ордой оказалась в руках у Иштерека б. Дин-Ахмеда. В 1600 г. в Астрахани состоялась церемония возведения его на «княжение»¹⁹.

В связи с этим мы предполагаем, что упоминаемая в Самаре зимой 1601 г. дочь Кучума с сыном была женой ногайского мирзы Джан-Арслана. После пленения супруга и окончательной победы в степи мирз Урмаметевых и Тинмаметевых она вынуждена была искать безопасное место, как для себя, так и для своего сына. Добровольный отъезд в Россию, по крайней мере, гарантировал им жизнь и относительно высокое положение. В конце 1604 г. мирза, а с ним, по-видимому, и семья, были отпущены в степь²⁰. Однако Джан-Арслан не был готов начать новую тихую жизнь и вскоре даже попал в астраханскую тюрьму. Но это уже выходит за тему нашего исследования. По настойчивым просьбам бия Иштерека стропитового мирзу 12 октября 1614 г. привезли из Астрахани в Казань, где разместили в соответствии с его высоким статусом. Через полгода он там и умер²¹. В таком случае мы вправе предположить, что и жена мирзы также оказалась в Казани.

Остановимся на размере поденного корма, назначенного царице, ее сыну и мамке. На троих им было положено 8 денег (4 копейки) на день. В целом это соответствовало тогдашней практике. С одной стороны, он равнялся корму сибирского царевича Хансюера б. Али, находящегося в тюремном заточении в Соликамске. Но при этом нужно помнить, что корм женщин был меньше корма мужчин (иногда в два раза), корм малолетних детей был ниже корма женщин. Помимо прочего, корм в дороге всегда уступал корму, получаемому на постоянном месте жительства²². Упоминаемая в документе дочь Кучума по приезде, по-видимому, получила постоянный корм в 5 копеек. В приказ-

ной справке указано: «Дано 10 денег за поденный корм. А царевна сама третья – сын да служанка». Здесь же приведены сведения, взятые «на пример» о выплате денег другим сибирским царевичам: «Сибирскому царевичю Берди-Мурату Кучумову с людьми с пятью человеки на корм по 4 алтын на день. Сибирскому ж царевичю Ишиму с двумя человеки на корм и на дрова по 3 алтын на день»²³. Следует отметить, что этот документ – практически единственное документальное свидетельство о реальном пребывании в Москве царевичей Ишима и Берди-Мурата.

Назвать имя царицы мы не можем. Источники того времени вообще более чем редко воспроизводили женские имена. История по преимуществу писалась мужчинами. Что касается восстановления имени внука Кучума, то здесь также имеются свои трудности. В. В. Трепавлов приводит имена трех сыновей Джан-Арслана – Урак (убийца Лжедмитрия II князь Петр Арасланович Урусов), Зорбек (Александр) и Тук (Иван). Тук крестился довольно поздно, не ранее 1614 г.²⁴ По нашему мнению, именно он более всего подходит на роль маленького мальчика, который вместе с матерью-царицей зимовал в Самаре. Его старшие братья к 1601 г. давно вышли из возраста, когда у них могла быть мамка. В русской истории Тук-Иван, по-видимому, никак себя не проявил. Детей после себя он также не оставил.

Здесь следует отметить еще один немаловажный момент. По-видимому, Кучум посредством браков своих многочисленных детей с представителями ногайской знати стремился обеспечить себе поддержку большинства ветвей потомков Эдиге, а не связывал свою судьбу и судьбу своих наследников только с избранными представителями этого рода, столь долго оказывавшего огромное влияние на события, происходившие в Дешт-и кипчаке.

Таким образом, обнаруженный документ позволяет нам более детально увидеть и понять те сложные процессы, которые протекали на рубеже XVI–XVII вв. на обширных пространствах от Сибири до Нижней Волги.

Приложение

Грамота Самарских воевод князя Саввы Дмитриевича Щербатова и Федора Ивановича Бирдюкина-Зайцова. Подлинник

(РГАДА. Ф. 131 (Татарские дела). Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 1–1об.)

(Л. 1.) Государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси холопи твои Савка Щербатай да Федько Бирдюкин-Зайцов челом бьют. В нынешнем, государь, в 109-м году генвора в 11 день писали мы, холопи твои, к тебе, к государю, по твоей государеве грамоте: веленно нам, холопом твоим, Кучумову дочь с

сыном да с мамкою прислати к Москве, к тебе, государю, с кем пригож. И кучумова дочь била челом тебе, государю, а сказала, что она сома немочна и сын ее немочен же, и для стужи ехати нельзе, и тебе б, государю, пожаловати, велети отпустить к Москве, к тебе, государю, воденым путем. И мы, холопи твои, провели подлинно, что она с сыном немочна, велели ей быти в Со-марском до полые воды. И как, государь, ныне Волга вскрылося, и мы, государь холопи твои, Кучумову дочь с сыном и с мамкою к Москве, к тебе, государю, отпустили апреля в 28 день с сомарским жильцом с Яковом Авлампеевым. И корм ее в дорогу дали до Москвы по твоему государеву указу на день по осми денег. И в Козань о том к воеводе и к дияку писали. //

(Л. 1 об.) Государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси. 109 году июня в 10 день с сомарским жильцом с Яковом Авлампеевым

Примечания

- 1 РГАДА. Ф. 131 (Татарские дела). Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 1.
- 2 Дубман Э. Л. Воеводы и воеводская система управления в Самаре XVI– начала XVIII в. // Самарский земский сборник. 2009. № 1 (18). С. 61–68.
- 3 Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 206.
- 4 Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1989. Т. III, ч. 3. Л. 996. С. 102–103.
- 5 Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1994. Т. IV, ч. 1. Л. 1061 об. С. 39; Л. 1089. С. 75; Л. 1133 об. С. 131.
- 6 Павлов А. П. Правящая элита Русского государства во второй половине XVI– первой половине XVII в. // Правящая элита Русского государства IX– начала XVIII в. СПб., 2006. С. 252.
- 7 Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. № 860. С. 126.
- 8 Там же. № 837. С. 123.

- 9 Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 80, 136, 142, 213; Новый летописец // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 14. М., 2000. С. 74.
- 10 Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора... С. 222, 263, 357, 393.
- 11 Разрядная книга 147–1598 гг. М., 1966. С. 524, 531.
- 12 Беляков А. В. Дорога царевича Мурад-Гирея в Астрахань // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 92–97.
- 13 Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 373.
- 14 Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков : просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 69.
- 15 Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008. С. 134.
- 16 Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака : Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 43.
- 17 В данное время в России существовало правило, по которому дочери татарских царей и царевичей, сохранивших верность исламу, назывались царевнами. В случае выхода замуж, даже если супруг не носил царского титула и даже не относился к какому-либо царскому роду, их называли царицами. См.: Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков : просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 91–115.
- 18 Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 382–385.
- 19 Там же. С. 388–390.
- 20 Там же. С. 391–392.
- 21 Трепавлов В. В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник : 2002. М., 2003. С. 338.
- 22 Беляков А. В. Чингисиды в России... С. 346.
- 23 РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1601 г. Д. 2. Л. 3.
- 24 Трепавлов В. В. Российские княжеские роды ногайского происхождения... С. 336, 338.

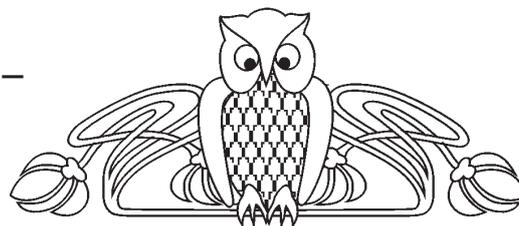
УДК 94(47)0.46+929Чемесов

ВОЕВОДА СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЧЕМОСОВ – СТРОИТЕЛЬ САРАТОВСКОЙ КРЕПОСТИ (1630–1631)

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левобережного Саратова, связанные с пребыванием в этом городе воеводы Степана Васильевича Чемесова и строительством новой саратовской крепости. Впервые представлена подробная био-

графия этого деятеля Смутного времени, который участвовал в обороне Волока от поляков, в боях под Тихвином и Путивлем. Автор прослеживает дальнейшую судьбу этого человека, который в 1630 г. возглавил строительство новой саратовской крепости.

Ключевые слова: Смутное время, Путивль, Саратов, воевода, Степан Чемесов.